

Эдмунд Гуссерль. *Идеи к феноменологии и феноменологической философии. Книга третья. Феноменология и основы наук.* Перевод с немецкого И.И. Докучаева, Н.В. Пигиной и Е.А. Смолоногиной. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 231 с. ISBN 978-5-8291-2340-6.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-164-171

УДК 1(091)

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта в минувшем году преподнесло приятный сюрприз знатокам и ценителям феноменологической философии, да и вообще истории европейской мысли – выпустило в свет русский перевод третьей книги «Идей» Эдмунда Гуссерля¹. Текст этот едва ли можно назвать ключевым в наследии основателя современной феноменологии, исследователи этого наследия обращаются к нему не так уж часто, возможно, потому, что намеченные здесь автором «Идей» пути так и никогда не были пройдены им до конца. В первую очередь это касается содержащейся здесь программы, скажем так, феноменологической философии науки, которой он в дальнейшем предпочел программу реконструкции смыслового генезиса науки из жизненного мира, ставшей, как кажется, в последующие десятилетия более известной и востребованной. И тем не менее без третьей книги «Идей» едва ли можно сформировать более или менее полное представление о том, чего именно хотел Гуссерль, к чему стремился, разрабатывая свою трансцендентальную феноменологию. Хорошим, хотя, разумеется, и недостаточным подспорьем она будет и в попытках реконструировать и оценить опыты построения онтологии, имевшие место вслед за гуссерлевской программой, изложенной в «Идеях», в том

¹ Первая публикация: Edmund Husserl, *Gesammelte Werke*, Bd. V, *Ideen zu einer Phänomenologie und phänomenologische Philosophie. Drittes Buch. Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften* (Martinus Nijhoff Verlag, 1952).

числе и в третьей их книге, в последующей феноменологии (Мартин Хайдеггер, Хевдиг Конрад-Мартиус, Роман Инграцен) и, если пользоваться современными американскими классификациями, в постнеокантианстве (Николай Гартман).

Обсуждаемое издание открывается предисловием за авторством одного из переводчиков – Ильи Игоревича Докучаева, которое называется «Трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля». Предисловие это является по нынешним временам довольно объемным и кажется таковым еще больше на фоне сравнительно небольшого объема третьей книги «Идей» Гуссерля. На самом деле, речь в нём идет не только, как обещает название, о трансцендентальной феноменологии Гуссерля, но и обо всем его интеллектуальном становлении в целом и даже о краткой истории рецепции идей этого классика и переводов его трудов в России. (На с. 10 можно обнаружить даже список увидевших свет переводов на русский язык крупных работ философа.) Изложение тут в целом корректное и очень-очень доступное. Поэтому данное предисловие новичкам можно использовать для первого подступа к – не самой простой – гуссерлевской мысли. Впрочем, очень хорошо, что за общим обзорным характером предисловия здесь видны и значимые аналитические усилия, детализирующие некоторые темы, которые встречаются также и в третьей книге «Идей», но не только здесь. В первую очередь в этой связи можно упомянуть раздел 2 предисловия, озаглавленный «Феноменология пространства, плоти и вещи» (с. 24–39). Кроме того, в предисловии обращает на себя внимание акцентирование автором трудностей, с которыми сталкивается трансцендентально-феноменологический проект Гуссерля, не замечаемых или, по крайней мере, не обсуждаемых последним. Во-первых, считает Докучаев, ноэтико-ноэматическая корреляция не обнаруживается непосредственно в опыте данного предмета, но способ его данности сознанием рассматривается как свойство самого этого предмета. Во-вторых, он фиксирует «отсутствие неопровергимых аргументов в пользу доказательства априорности эйдосов» (с. 43). Этот упрек представляется особо важным и актуальным, требующим отдельного обсуждения, которое здесь, к сожалению, нельзя себе позволить. Во всяком случае, при чтении предисловия создается

впечатление, что гуссерлевская критика теории абстракции классического эмпиризма, предложенная во втором исследовании второго тома «Логических исследований»², не удовлетворяет автора полностью, и что в вопросе о формировании общих понятий Докучаев находится скорее на позиции этого самого эмпиризма и базирующихся на нём позитивных наук, с точки зрения которых он и оценивает итоговую эффективность трансцендентальной феноменологии. Так, он пишет:

Попытка Гуссерля представить феноменологию как науку, принципиально превосходящую не только эмпирическую, но и рациональную психологию, окажется в этой связи если и не неудачной, то сильно завышающей действительное положение науки феноменологии в ее споре за истину (с. 44).

В итоге это действительно мотивирует вопрос, а способна ли предложенная в третьей книге «Идей» программа обоснования наук на самом деле, пусть и в перспективе, их обосновать. И является ли случайностью, что Гуссерль всё же ушел с намеченного здесь пути обоснования позитивных наук, предпочтя ему другие формы осмысления научности?

К сожалению, третья книга «Идей» – не тот текст, исходя из которого можно было бы ответить на эти вопросы или хотя бы даже приблизиться к ответам на них. Это и впрямь идеи, указания, иногда едва ли не наброски. По свидетельству Карла-Хайнца Лембека, эта книга «изначально не рассматривалась Гуссерлем в качестве собственно книги “Идей”»³, она была, согласно его замыслу, второй частью их второй книги.

Прочтение подзаголовка книги вселяет надежду увидеть здесь выверенный алгоритм, архитектонически обустроенную систему последовательного обоснования каждой фактически существующей группы наук в трансцендентальной феноменологии. Но надежда эта обманчива. Гуссерль, правда, начинает свои

² См.: Эдмунд Гуссерль. *Логические исследования*, т. II, *Исследования по феноменологии и теории познания*, ч. 1 (М.: Академический проект, 2011), 99–200.

³ Karl-Heinz Lembcke, «Einleitung: Husserls wissenschaftstheoretisches Programm», in *Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften*, von Edmund Husserl. Text nach Husseriana, Bd. 5 (Hamburg: Meiner, 1986), XIV.

исследования здесь с рассмотрения «различных регионов мира», что должно стать первым шагом в обосновании наук, поскольку

подобные основополагающие разграничения предметного мира должны стать решающим фактором при выведении самостоятельных научных дисциплин и установлении их проблематики (с. 49).

Однако проблема такого разграничения начинает рассматриваться им, впрочем, во вполне последовательном трансцендентально-феноменологическом духе, через рассмотрение дифференциации соответствующих этим регионам восприятий и апперцепций – так, что при этом исходная проблематика предметных регионов и обоснованности их разграничения несколько стущивается. Пожалуй, самым неожиданным и интригующим в этом периоде рассуждений у Гуссерля оказывается бегло заявленный проект т.н. *соматологии*. Таковая должна представлять собой науку о живом, ощущающем теле, являющемся, по мысли основателя современной феноменологии, сферой, которая не может быть понята ни как просто материальная вещь природы, ни как душа, психика. Здесь

...вселенная ощущений любого Я обретает связь с телом и его частями, характеризуемыми как «органы чувств», и сама становится чем-то телесным, но не материальным (с. 54).

Гуссерль говорит здесь даже о «телесной апперцепции» (с. 54), отличающейся от апперцепций других видов, смысл которой «определяется через **воспринимаемую** телесность с **воспринимаемой** локализацией» (с. 54). Соответственно, соматология не может быть понята ни как физика, ни как psychology. Особенно важно указать на невозможность понять соматологию как часть psychology, что, казалось бы, естественно, ведь и та и другая изучают ощущения. Но они совершенно по-разному делают это, поскольку по-разному понимают вызывающие их причины. Различие между ними в отношении ощущений заключается в следующем:

...в то время, как в соматологии, в соответствии с ее типом познания, они являются свидетельствами, сигналами чувствительности тела и задачей этой науки будет проследить причинно-следственные связи, стоящие за ними, psychology, следуя

своему типу познания, устанавливает каузальные связи, ведущие к ее органу познания – душе, и обращает предметный интерес на ощущения и их место там (с. 62).

В любом случае именно региональный смысл различия между физической вещью, телом и душой в ходе рассмотрения этих дисциплин постепенно размывается. Этот эффект еще больше усиливается во второй главе книги, где более или менее подробно обсуждаются «отношения между психологией и феноменологией». Впрочем, возвращение к исходной проблематике здесь всё-таки происходит, поскольку Гуссерль оказывается вынужденным предварить обсуждение соотношения этих двух дисциплин экспозицией региональных понятий и родовых понятий, отчасти возвращаясь к некоторым рассуждениям из первой книги «Идей»⁴. Любопытно, что в данном контексте Гуссерль возобновляет скомпрометированную еще Кантом идею рациональной психологии, понимая, разумеется, под ней не нечто наподобие раздела *metaphysica specialis* в духе Вольфа, но феноменологию априорных форм душевной жизни. В третьей главе Гуссерль проясняет «соотношение феноменологии и онтологии». Для него оказывается очень важным понять, как одни и те же понятия могут выступать предметом, с одной стороны, онтологического, а с другой – трансцендентально-феноменологического рассмотрения. Взятая сама по себе, считает он, онтология рассматривает свои понятия догматически, феноменология же прослеживает их смысловой исток в трансцендентальном конституирующем сознании. Так, Гуссерль пишет:

Онтологии формулируют утверждения о существовании отдельных сущностей и соотносимых с ними эйдетических деталей (**эйдетические** утверждения о существовании)... Иными словами, их область – выделение в регионы сферы сущностей и их деталей... Теперь обратимся к феноменологии... Ее область – не фигуры, вещи, душа и т.п. как таковые

---

⁴ См.: Эдмунд Гуссерль. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в феноменологическую философию* (М.: Академический проект, 2009), 45–64.

в их эйдетической общности, а трансцендентальное сознание со всеми его трансцендентальными событиями, изучаемыми в их эитетической общности путем непосредственной интуиции (с. 136–137).

Наконец, в четвертой главе Гуссерль, пожалуй, ближе всего подбирается к обещанной проблематике основ наук, их обоснования вообще. Этот философ считает, что в основаниях фактически существующих наук имеет место слишком большое число стихийно сформированных на основании первичного опыта понятий, вносящих в них хаос. Поэтому он убежден:

Необходимо вернуть науки к их разумному, имеющему строгое применение началу, превратить их в системы мыслящего познания с помощью проясняющего, разъясняющего, обосновывающего их истоки труда, необходимо свести их понятия и положения к осознаваемым с помощью интуиции понятийным существам и предметным данностям, которые они должны описать должным образом, если последние действительно истинны (с. 151).

Гуссерль выделяет три типа понятий, подлежащих прояснению: (1) логико-формальные, (2) региональные, (3) отражающие особенности материала. Первые из них характерны для любого предмета вообще, соответственно, для формальных значений высказываний, вторые – для содержания определенного региона (материальная вещь вообще, живая природа вообще, etc.), а третьи уже отражают определенные эмпирические свойства тех или иных предметов (цвет, запах, etc.). Автор «Идей» отмечает, что обоснование наук должно обязательно идти от прояснения понятий первого типа к прояснению понятий третьего типа. Особено хотелось бы обратить внимание читателя на *различие уточнения и прояснения* понятий, которое (как и последний из этих членов деления) характерно именно для феноменологической философии науки (см. § 20 издания). Нельзя исключать, что оно способно снова обрести актуальность в современном философском осмысливании науки.

В итоге в контексте обоснования наук Гуссерль говорит об *идеале* такого обоснования, который состоит в том, чтобы

описать в систематической полноте мир идей, мир возможных видов сущностей возможных предметностей в целом в наблюдении и в совершенной ясности, а также выявить на основании лежащих в восприятии ноэм возможные в принципе понятийные сущности и приписать им выражающие их в чистом виде значения слов и сами слова, что и будет составлять общность идеально проясненных понятий, т.е. терминов (с. 159).

На этом фоне Гуссерлем и закрепляется окончательный ответ на вопрос о соотношении онтологий предметных областей наук и феноменологии. Он пишет:

...все эйдетьеские аксиомы в контексте феноменологии обнаруживают себя при помощи простой смены угла зрения и соответствующего установления, [...] последняя, и это очень значимый факт, является **материнской почвой, на которой всходят все онтологические взгляды** (с. 160).

Таким образом, «только феноменолог в состоянии совершить самое глубокое прояснение относительно сущностей, строящихся систематически конститутивными слоями, и таким образом способствовать возникновению обоснований онтологий, которых нам так не хватает (с. 160).

Кроме основного текста книга содержит в себе четыре приложения, первое из которых есть не что иное, как проект второй книги «Идей» от 1912 г.; удивительно прозрачно для Гуссерля написанное и при этом весьма содержательное послесловие, в котором сформулированы основные пункты его понимания специфики создаваемой им трансцендентальной феноменологии, интересное в том числе и полемикой с превратными ее толкованиями и защитой от основанной на них критики; критическое приложение, касающееся происхождения и структурных особенностей приложений и примечания переводчиков.

Что касается уровня перевода, то в русской версии третья книга «Идей» оказалась намного более понятной и менее запутанной, чем в немецком оригинале. И дело тут не в том, что для русскоязычного читателя немецкий язык не является родным, а в том, что в переводе легче отследить, к чему относится то

или иное местоимение или определение, чем у Гуссерля. Думаю, что разобраться в этом переводчикам третьей книги «Идей» стоило немалого труда, впрочем, как и всем переводчикам гуссерлевских текстов. Перевод, надо сказать, не свободен от стилистических ограхов, но число их незначительно. Кроме того, трудно точно определить, кто же именно является их виновником – переводчики или сам автор исходного произведения: сталкиваясь с ними, ловишь себя на мысли, что едва ли бы смог предложить какой-то более удачный вариант перевода. Не все терминологические решения можно также признать безупречными. Прежде всего, это касается перевода *die primitiven Begiffe* как «примитивных понятий» (см. с. 151 и далее). Хотя такой перевод и является калькой с немецкого, он, пожалуй, привносит коннотации, которые всё же не подразумеваются Гуссерлем. Правильнее было бы, наверное, передавать этот термин как «первоначальные понятия», «исходные понятия», по крайней мере, «наивные понятия» позитивных наук. Вопрос вызывает также перевод термина *die Zuständlichkeit* (см. с. 88) как «состоятельность», которая ведь в русском языке ближайшим образом обозначает нечто иное, нежели подразумеваемая Гуссерлем «сущность состояний психического».

Несмотря на эти и другие недостатки и спорные моменты, работать с переводом очень удобно. Да и книга издана аккуратно, вполне в академическом, но при этом в совсем не скучном стиле. Думаю, с изданием следует ознакомиться всем, кто в русскоязычном интеллектуальном пространстве занимается историей феноменологии и, шире, трансцендентальной философии, а также феноменологической (и не только) философией науки. Издание, особенно размещенные там предисловие переводчика и послесловие автора, может пригодится и в дидактических целях.

Институт философии СПбГУ
 Институт феноменологии ТГУ
 Центр практической философии
 «Стасис» ЕУ СПб

А.Б. Паткуль
a.patkul@spbu.ru